

UDC 327 (47+57) «1953/1964»: 930

CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE GERMAN POLICY OF THE USSR (1953–1964)

Ekaterina G. Sakovich

Belarusian State University
6, Krasnoarmeiskaia St., Belarus, 220030
Post-Graduate Student, History Department
E-mail: ekaterina-sakovich@yandex.ru

The article devoted to the problem of the analysis of the Soviet positions on the German question in Post-Stalin decade in contemporary Russian Historiography.

Keywords: Historiography, GDR, FRG, West Berlin, Khrushchev, Soviet Foreign Policy.

Изучение германского направления внешней политики СССР периода 1953–1964 гг. в современной российской историографии занимало одно из центральных мест. Внимание ученых было сконцентрировано на анализе советских внешнеполитических действий по отношению к ГДР и ФРГ, и рассмотрении места и роли германского вопроса в отношениях СССР и Запада.

В академической среде российских исследователей проблема, связанная с анализом инициатив советского руководства во главе с Н.С. Хрущевым в решении германского вопроса в 1953 г., не являлась предметом острой полемики. Большинство российских ученых (А.М. Филитов, Ф.И. Новик, Е.П. Тимошенко, О.В. Дьячкова) в отличие от англо-американских и немецких коллег, полагавших, что изменения в германском направлении советской стороной были предприняты только после событий 17 июня 1953 г. в ГДР, сходились во мнении в том, что в СССР еще до июньского инцидента проводилось активное переосмысление позиций по германской проблеме [16, с. 124; 7, с. 279; 12, с. 50; 4, с. 66].

При рассмотрении внешнеполитических инициатив советского руководства в период с марта по июнь 1953 г., российские ученые полагали, что они представляли собой попытки воплощения в жизнь отклоненного Западом сталинского предложения от 10 марта 1952 г. о воссоединении ГДР и ФРГ [7, с. 279; 13, с. 136]. С точки зрения Ф.И. Новик, «СССР уже в 1952 г. был готов отказаться от своего контроля над ГДР и пожертвовать этой страной для единства Германии. При этом И.В. Сталин не имел в виду независимую Германию, а, скорее, осуществление общего контроля над ней четырьмя державами-победительницами по образцу Потсдамского соглашения» [6, с. 21]. Анализ новых источников из российских архивов позволил исследователю однозначно утверждать, что преемники И.В. Сталина весной 1953 г. двигались в том же направлении. В апреле – мае 1953 г. по заданию министра иностранных дел В.М. Молотова было предоставлено несколько записок и справок В.С. Семеновым, Г.М. Пушкиным, Я.А. Маликом, в которых отмечалось прекращение с сентября 1952 г. обмена нотами между СССР и тремя западными державами по германскому вопросу, анализировался подход к этой проблеме, говорилось о растущей активности Запада и о необходимости сохранения инициативы за СССР [7, с. 279]. По точному замечанию Ф.И. Новик, «большое внимание в материалах, которые были подготовлены в МИД за три месяца до 17 июня, уделялось отношениям СССР и ГДР. Фактически многие из мероприятий, в срочном порядке проведенных после этих событий для

нормализации положения в стране, были разработаны и обоснованы еще до них» [7, с. 279].

А.Ф. Филитов, подчеркивая особую активность советского руководства в обсуждении германского направления внешней политики, указывал, что первый проект по данной проблеме появился 18 апреля 1953 г., за ним с интервалами в несколько дней последовала серия других [17, с. 267]. Общей во всех них, как следует со слов автора, была идея создания общегерманского правительства при временном сохранении правительств обоих существующих в Германии государств. В то же время пункты, которые можно было бы трактовать как нацеленные на интеграцию ГДР в «соцлагерь» (предложение о заключении с ней договора о дружбе и взаимопомощи), оказались в ходе плановой работы снятыми [17, с. 268]. Анализируя предложенный СССР вариант решения германской проблемы, ученый признавал, что «и в таком виде этот план оказался неприемлемым для правительств и общественного мнения Запада» [16, с. 125].

Акцентируя внимание непосредственно на анализе советских предложений по германскому вопросу, появившихся весной 1953 г., Е.П. Тимошенко полагала, что с советской стороны новым и самым важным было предложение об образовании парламентами ГДР и ФРГ Временного общегерманского правительства, главной задачей которого должно было «стать национальное воссоединение Германии на демократических и мирных началах путем подготовки и проведения свободных общегерманских выборов без иностранного вмешательства» [13, с. 137]. Исключительное значение этого предложения, по мнению автора, заключалось в том, что СССР в случае возражений со стороны западных держав против образования такого органа предлагал провести референдум среди населения всей Германии по этому вопросу [13, с. 137]. Тем не менее, как указывала Е.П. Тимошенко, несмотря на стремления Запада не допустить реализации обширной программы по объединению Германии, линия на воссоединение ГДР и ФРГ в советском руководстве вплоть до 17 июня 1953 г. являлась магистральной. Только после июньских событий в ГДР СССР был вынужден отказаться от идеи воссоединения и взять курс «на длительное сосуществование двух немецких государств» [13, с. 140].

Не меньший интерес в российских академических кругах вызвала проблема анализа инцидента в ГДР 17 июня 1953 г. В вопросе поиска соответствующей дефиниции произошедшим событиям исследователи сходились во мнении в том, что в современной российской историографии нет устоявшегося определения, так как невозможно предложить дефиницию, которая устраивала бы всех. [20, с. 159]. В выявлении причин начала июньского инцидента в академической среде российских исследователей расхождения во мнениях не наблюдалось. Большинство историков (Б.Л. Хавкин, Ф.И. Новик, Е.П. Тимошенко, А.М. Филитов) полагали, что главной причиной кризиса стало резкое ухудшение социально-экономической ситуации в ГДР и падения уровня жизни, что и явилось результатом принятия восточногерманским руководством решения о «плановом строительстве социализма» [20, с. 160; 6, с. 78, 13, с. 142; 15, с. 153]. В итоге, по точному замечанию Е.П. Тимошенко, поспешность и непродуманность решения о строительстве социализма повлекли за собой не только механическое перенесение советского опыта на немецкие условия, но и нарушение объективных процессов экономического развития [13, с. 142].

В высшей степени дискуссионным являлся вопрос, связанный с оценкой реакции восточногерманского руководства на сложившуюся в ситуацию в июне 1953 г. Причины бездействия властей ГДР З.К. Водопьянова и А.М. Филитов видели в том, что глава государства В. Ульбрихт, предвидевший возможность своей

отставки, был готов пойти на риск дестабилизации режима, чтобы скомпрометировать проводимую политику СССР по отношению к ГДР и спасти свою монополию на власть [2, с. 110]. Диаметрально противоположную точку зрения предложила Е.П. Тимошенкова. Автор полагала, что бездействие восточногерманского руководства в ходе беспорядков 17 июня 1953 г. во многом объясняется его растерянностью и неуверенностью в том, какой курс в отношении Германии изберут наследники И.В. Сталина [13, с. 147]. По мнению исследователя, на скептическое отношение властей ГДР к советскому руководству оказали влияние советские инициативы марта 1952 г., которые усилили опасения верхушки СЕПГ, что ради укрепления своей безопасности СССР в любой момент может пожертвовать ГДР [13, с. 147].

Ф.И. Новик причины неадекватных действий восточногерманского руководства в сложившейся ситуации видела в том, что «действующая власть не понимала всей серьезности положения в начале событий» [7, с. 283]. Анализ новых документов из российских архивов позволил автору однозначно утверждать, что руководство ГДР в начале кризиса было растеряно и надеялось лишь на защиту СССР [7, с. 283]. По мнению исследователя, «даже 16 июня, когда пронесся первый шквал демонстраций и митингов на состоявшемся в тот же день собрании актива берлинской партийной организации СЕПГ члены Политбюро ни одним словом не обмолвились о событиях 16 июня и не дали партийному активу никаких указаний. Немецкое руководство оптимистически оценивало ситуацию и не считало события настолько серьезными, чтобы принимать чрезвычайные меры» [7, с. 283].

Многие российские ученые, задаваясь вопросом, почему В. Ульбрихт в июне 1953 г. смог удержать власть, пытались искать ответ в анализе сложившейся политической ситуации того времени в ГДР и персональном отношении к нему советского руководства. Ф.И. Новик полагала, что главную причину удержания власти главой ГДР следует искать в том, что конфиденциальные советские предложения по обновлению восточногерманского правительства и руководства СЕПГ были гораздо более радикальными, чем последовавшие затем реальные действия [7, с. 283]. Как следует со слов автора, даже после обоснованного предложения руководителя Советской Контрольной Комиссии В.С. Семенова и его коллег освободить В. Ульбрихта от обязанностей заместителя премьер-министра ГДР, он остался не только в правительстве, но и во главе СЕПГ [7, с. 284]. В.П. Наумов, Е. П. Тимошенкова и Б. Л. Хавкин основную причину сохранения главой ГДР власти видели в аресте 26 июня 1953 г.

Л.П. Берия [5, с. 39; 13, с. 150; 20, с. 169]. Е.П. Тимошенкова считала, что «Ульбрихту удалось использовать выдвинутые против Берия обвинения в отказе от строительства социализма в ГДР для устранения оппозиции, так как члены Политбюро СЕПГ сами боялись оказаться обвиненными «в антипартийной вражеской деятельности» [13, с. 150]. Рассматривая проблему в исторической перспективе, Е. П. Тимошенкова и Б. Л. Хавкин утверждали, что если бы партийная оппозиция выступала не только за понижение В. Ульбрихта в должности, но и за исключение его из Политбюро и не медлили бы с этим, и если бы представители Советской Контрольной Комиссии не смотрели безучастно на все происходящее, то у него не оказалось бы возможности установить связь между своими противниками и Л. П. Берия [13, с. 150; 20, с. 172].

Рассматривая итоги июньского инцидента 1953 г., исследователи отмечали, что, с одной стороны, эти события покончили с колебаниями в советском руководстве, так как арест Л. П. Берия и его приближенных не только сделал невозможным реализацию плана мирного объединения Германии путем смены режима В. Ульбрихта, но и позволил ему избавиться от неудобных лиц [20, с. 173]. С другой

стороны, как полагали ученые, именно после событий 17 июня постепенно сформировался и был реализован поворот советской политики в германском вопросе к ориентации на сосуществование двух государств [7, с. 287].

Не меньший интерес российских ученых вызвал анализ инициатив советского руководства по решению германской проблемы периода 1958–1961 гг., получившего в российской историографии название «второй берлинский кризис» [3, с. 12]. Относительно определения его причин в академической среде российских исследователей наблюдалось относительное единодушие. Многие историки (Н.Н. Платошкин, А.А. Фурсенко, С. Кондрашев, О.В. Дьячкова) отводили решающую роль в начале и эскалации кризиса главе советского государства Н.С. Хрущеву [10, с. 28; 19, с. 231; 1, с. 430; 4, с. 98]. По мнению

Н.Н. Платошкина, «советский лидер, консолидировав свое единоличное руководство в СССР после разгрома «антипартийной группы» в 1957 г. и отставки с поста премьер-министра СССР последнего относительно самостоятельного политика Н. Булганина, решил перейти в контрнаступление против Запада в германском вопросе» [10, с. 28]. Как следует со слов автора, на фоне запуска Советским Союзом первого спутника и опережающих темпов роста экономики СССР в сравнении с США, Н.С. Хрущев был уверен, что Запад ослаблен и от него можно добиться уступок и предложил США, Англии и Франции вывести их воинские контингенты из Западного Берлина и превратить его в вольный город по образцу Триеста [10, с. 28].

А.А. Фурсенко, соглашаясь по многим позициям с Н.Н. Платошкиным, причины начала кризиса видел в политических амбициях Н.С. Хрущева [19, с. 231]. С точки зрения автора, кризис начался с заявления главы советского государства 10 октября 1958 г., направленного на обвинение западных держав в нарушении послевоенных союзнических договоренностей и использовании в подрывных целях Западного Берлина вопреки положениям Потсдамского соглашения [19, с. 231].

Что касается проблемы механизма обсуждения советским и восточногерманским руководством решения о введении 13 августа 1961 г. в Берлине пограничного режима, мнения исследователей расходились значительно. А.А. Фурсенко считал, что возведение берлинской стены в августе 1961 г. явилось прямым результатом провала переговоров Н. С. Хрущева, начиная с 1958 г., с американскими и европейскими лидерами на решение германского вопроса, как того хотели в Кремле. Именно в тот момент, как полагал ученый, СССР принял решение по подготовке мирного договора с ГДР отгородиться от Запада, поставив поперек Берлина не воображаемую, а настоящую баррикаду, названную впоследствии «берлинской стеной» [18, с. 88]. При этом автор однозначно утверждал, «что сооружение стены изначально являлось личной инициативой

Н. С. Хрущева, который и подсказал В. Ульбрихту окончательное решение относительно ее возведения» [19, с. 240].

С. Кондрашев и Д. Проэктор, задаваясь вопросом, была ли акция 13 августа частью первоначального плана СССР – ГДР в рамках мирного договора 1961 г., или это была изначально инициатива ГДР, поддержанная Н. С. Хрущевым, время и масштаб которой диктовались насущной необходимостью остановить поток беженцев, полагали, что обе версии отчасти верны [1, с. 430; 11, с. 422]. С. Кондрашев считал, что первоначально Н. С. Хрущев предпочел бы собственный путь – мирный договор с ГДР. И в том случае, если бы его угрозы подействовали, статус Западного Берлина действительно мог бы измениться. Однако когда Н. С. Хрущеву стало ясно, что Запад не согласится на его предложения по Западному Берлину, а поток беженцев достиг критической величины и угрожал режиму в ГДР, он полностью поддержал предложенный В. Ульбрихтом план перекрыть границу [1, с. 433]. По мнению Д. Проэктора, первоначальная идея перегородить в Берлине поток

беженцев вызревала еще во второй половине 1950-х гг. в Восточном Берлине и в Москве. На его взгляд, решение о возведении стены принималось Н.С. Хрущевым отнюдь не единолично, так как он был подвергнут сильнейшему напору В. Ульбрихта, требующего радикальных решений, и опасался, что, если отступит, инициативы в соцлагере перехватит Пекин [11, с. 422].

Достаточно интересная точка зрения относительно установления пограничного режима в августе 1961 г. в Берлине была высказана Н.Н. Платошкиным. Исследователь полагал, что «стена стала давно ожидаемым шагом правительства ГДР по установлению в разделенном Берлине нормального пограничного порядка, который уже существовал на прочих внешних границах страны» [8, с. 13]. Сооружение стены, по мнению автора, стало ответом на усилившуюся с 1960 г. экономическую войну Запада против ГДР, что, в свою очередь, объяснялось успехами ГДР в экономическом соревновании с ФРГ в конце 1950-х гг. [8, с. 13].

Кроме обсуждения причин и результатов берлинского кризиса в российских академических кругах поднимался вопрос, связанный с анализом позиции СССР по проблеме Западного Берлина после 13 августа 1961 г. Оценивая внешнеполитические действия СССР в данном направлении, С. Кондрашов однозначно утверждал, что «позиция советского руководства после возведения стены осталась неизменной: мирный договор и определенное разрешение западноберлинской ситуации в свою пользу остались «приоритетом» Москвы» [1, с. 443]. На его взгляд, усиливавшееся смятение американских сотрудников, посещавших Восточный Берлин, подтверждало ту точку зрения, что «Советы все еще полны решимости подписать сепаратный мирный договор с ГДР и выжить западных союзников из Западного Берлина» [1, с. 444]. Противоположная точка зрения была предложена А.А. Фурсенко, который полагал, что после возведения стены советское руководство некоторое время высказывало сомнения по поводу целесообразности заключения мирного договора с ГДР [19, с. 254]. По мнению автора, колебания СССР объяснялись растущими трудностями экономики ГДР, зависевшей от западных поставок. Советское и восточногерманское руководство опасались, что после подписания мирного договора Запад объявит экономическую блокаду Восточной Германии [19, с. 254].

Р.В. Долгилевич и А.М. Филитов сходились во мнении в том, что после возведения берлинской стены советская дипломатия не могла сразу же отказаться от идеи вольного города [3, с. 15; 14, с. 184]. Р.В. Долгилевич полагал, что нежелание кардинального поворота руководства СССР было связано с тем, что, во-первых, имеющееся предложение по Западному Берлину нужно было заменить другой концепцией, которой пока что не было. Во-вторых, незамедлительный отказ от идеи вольного города повредил бы имиджу советской дипломатии и дал бы мировой общественности повод говорить о ее поражении.

В-третьих, формулировки о мирном договоре и о вольном городе все еще можно было бы использовать как средство давления на западные державы в международных вопросах, в том числе и германском [3, с. 15]. Ученый считал, что окончательный поворот СССР в решении проблемы состоялся в 1963–1964 гг., когда на смену существующей концепции постепенно приходила новая, согласно которой Западный Берлин должен рассматриваться в качестве самостоятельной политической единицы [3, с. 18].

В целом Р.В. Долгилевичем и А.М. Филитовым были даны достаточно конструктивные оценки новых советских инициатив. В частности, Р.В. Долгилевич отмечал, что «смена концепции не означала, что советская политика в отношении Западного Берлина трансформировалась в оборонительную. Просто изменилось направление главного удара – теперь он наносился по позициям ФРГ, а не западных

держав» [3, с. 31]. С точки зрения исследователей, новая концепция способствовала тому, что СССР по-прежнему мог использовать западноберлинский рычаг для оказания давления на Запад и в германских, и в других международных делах [3, с. 31; 14, с. 184]. И, наконец, исключительное ее значение, по мнению авторов, состояло в том, что в диалоге с СССР США, Англия и Франция не могли больше говорить об ультимативных требованиях СССР в Берлине [3, с. 31; 14, с. 184].

Изучение германского направления советской внешней политики периода 1953-1964 гг. в современной российской историографии имело несколько направлений. Во-первых, исследователи проявили интерес к всестороннему рассмотрению подходов и концепций нового советского руководства в германской проблеме в 1953 г. Во-вторых, многие российские ученые были заинтересованы в анализе причин и результатов «второго берлинского кризиса» 1958–1961 гг. и оценки его влияния на состояние отношений СССР и Запада. В целом современные российские исследователи выработали новые подходы в анализе проблематики и очертили перспективные направления для дальнейшего изучения.

Примечания:

1. Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д. Поле битвы – Берлин. М., 2002.
2. Водопьянова З.К., Филитов А.М. Почему Семенов жалеет патроны? // Родина. 2002. № 10. С. 109–112.
3. Долгилевич Р.В. Советская дипломатия и Западный Берлин. 1963–1964 годы. По материалам Архива МИД РФ // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 12–32.
4. Дьячкова О.В. Германская политика Советского Союза в 1945–1991 гг. (критический анализ). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1994.
5. Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 17–40.
6. Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны. (Германская политика СССР в 1953-1955 гг.). М., 2001.
7. Новик Ф.И. Советская политика в отношении ГДР до и после 17 июня 1953 года (по документам Архива внешней политики Российской Федерации) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 278–289.
8. Платошкин Н.Н. Предыстория возведения Берлинской стены. Август 1961 года // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 13–18.
9. Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 г. в Германии. М., 2004.
10. Платошкин Н.Н. Причины и ход Берлинского кризиса 1953–1961 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2009.
11. Проэктор Д. Размышления о холодной войне // Россия и Германия в годы войны и мира (1991–1945). М., 1995.
12. Тимошенкова Е.П. Послевоенная Германия в советской политике (1945–1955 годы): взгляд российских и германских историков // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 47–55.
13. Тимошенкова Е.П. «Германский вопрос» во внешней политике Советского Союза (1945–1955 гг.). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2007.
14. Филитов А.М. Советский Союз и «новая восточная политика ФРГ» // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. М., 2003. С. 163–186.
15. Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993.

16. Филитов А.М. СССР ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 123–135.
17. Филитов А.М. «Новый курс». Германский вопрос в советской политике, 1953 год // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 263–277.
18. Фурсенко А.А. Как была построена «берлинская стена» // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 73–90.
19. Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М., 2006.
20. Хавкин Б.Л. Берлинское жаркое лето 1953 года // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 159–174.

УДК 327 (47+57) «1953/1964»: 930

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР (1953–1964 гг.)

Екатерина Георгиевна Сакович

Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, 6
аспирант кафедры истории России
E-mail: ekaterina-sakovich@yandex.ru

Статья посвящена проблеме анализа позиций советского руководства по германскому вопросу периода 1953–1964 гг. в современной российской историографии.

Ключевые слова: историография, ГДР, ФРГ, Н.С. Хрущев, советская внешняя политика, Западный Берлин.